

КАБАРДИНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧ. XIX ВВ.: МОДЕЛИ ИНКОРПОРАЦИИ В ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Рубеж XVIII–XIX вв. это время резкой интенсификации проникновения России на Кавказ. Кабарда, как и другие региональные политии оказалась объектом интегративных интенций имперского правительства. Ее политические элиты пытались выработать стратегии адаптации к кардинально меняющемуся геополитическому контексту. В целях сохранения высокой степени политической автономности, традиционных социокультурных параметров феодального общества, доминирующих позиций на Центральном Кавказе, политические лидеры Кабарды выдвинули две различные модели выстраивания кабардино-русских отношений. Одна из них основывалась на традиционных социальных, политических и этических принципах феодального общества, предполагала максимальное их сохранение в рамках общеимперского дискурса. Ее автор, Хатокшоко Измаил, выражал интересы той части кабардинской аристократии, которая надеялась на выстраивание комплементарных отношений с Российской империей без существенного ущерба для реального объема политической автономии Кабарды и ее места в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе. Альтернативная стратегия, выдвинутая родным братом Хатокшоко Измаила – Адиль-Гиреем и его сторонниками, предполагала кардинальную модернизацию социальных отношений внутри правящего класса Кабарды на основе исламских ценностей, мобилизацию ресурсов и силовое отстаивание политической, административной и судебной автономии княжества.

Ключевые слова: Кабарда, традиционализм, Хатокшоко Измаил, шариатское движение, Хатокшоко Адиль-Гирей, Российская империя, инкорпорация.

Наше исследование посвящено общественно-политической мысли Кабарды конца XVIII – нач. XIX вв. В это время, когда перед Кабардой встала угроза потери независимости и подчинения Российской империи, представители ее политической элиты, преследуя цели сохранения высокой степени автономности кабардинского феодального социума, практически сформулировали два проекта его инкорпорации в общеимперское пространство. Один из них, можно условно назвать традиционалистским. Его основные принципы сформулированы в «Записке о беспорядках на Кавказской линии и способах прекратить оные» [АКАК 1868: 957–958]. Второй проект предполагал существенную модернизацию социокультурных параметров кабардинского общества. Он не оставил никаких программных документов, но по фактической деятельности его авторов и сторонников и косвенным данным синхронных письменных источников мы можем судить о его основных принципах [Ногмов 1994: 161–169; Кажаров 1994: 281–306]. Первый, традиционалистский проект связан с именем Хатокшоко Измаила (в черкесской традиции – *Исмел Псыгъуэ* или *Исмель Стройный*), а второй, получивший в отечественной историографии название *шариатского движения* – с именем его родного младшего брата Адиль-Гирея [История ... Т. 1. 1967: 239–241; Туганов 1972; Кажаров

1994: 281–306; Адыгская ... 2006: 885–886;]. Общественно-политической деятельности Хатокшоко Измаила, прототипа лермонтовского Измаил-бея, шариатскому движению в Кабарде, проблемам кабардино-русских отношений в период подчинения княжества русской администрации посвящена обширная историография [Туганов 1972; Туганов 1998; Кумыков 1991; Кумыков 2002; Кажаров 1994; Дзамихов 2008: 55–70; Россия и народы ... 2018: 223–225; Прасолов 2019: 13–14,8 и др.]. Но, на наш взгляд, детальный сравнительный анализ двух принципиально различных стратегий выстраивания кабардино-русских отношений, сформулированных родными братьями Хатокшоко, ярко иллюстрирует напряженные поиски лучшими представителями политической элиты Кабарды приемлемой для страны модели интеграции в имперское пространство России.

К концу XVIII в. кабардино-русские отношения имели очень солидный и, самое главное, разнообразный бэкграунд. В середине XVI в. – династический союз Иналидов Кабарды с самым знаменитым из русских царей – Иваном IV Грозным (1547–1584) и совместные военные акции с географией от Ливонии до Северного Кавказа [Кожев 2006: 194–232; Кожев 2020: 68–104]. Затем, начиная с Федора Ивановича (1584–1598), – период настойчивых попыток введения практики инвеституры великих князей – *пцыххуэ* Кабарды, путем выдачи им московскими государями жалованных грамот на великое княжение с параллельным включением в полный титул русских царей формулы «...государь кабардинские земли, черкасских и горских князей» [Дзамихов 2001: 81–124]. Отторжение этой практики кабардинцами привело к серии внутривосточных конфликтов с активным вовлечением русского правительства [Кожев 2020: 68–130]. В XVIII в. – военное союзничество в двух русско-турецких войнах (1710–1713 гг., 1735–1739 гг.) с международным признанием нейтрального, де-факто независимого статуса Кабарды по Белградскому мирному договору 1739 г. [Кожев 2006: 250–260; Кожев 2008]. И наконец, с началом демаркации границы Российской империи на Северном Кавказе – семимесячная кабардино-русская война 1779 г. [Бутков. Ч. 2. 1869: 52–62]. Ей предшествовал длительный дипломатический конфликт вокруг основания в 1763 г. Моздокской крепости, расцененного в Кабарде как недружественный акт и русско-турецкая война 1768–1774 гг., по которой Кабарда была объявлена владением Российской империи [КРО. Т. 2. 1957: 218–220, 226–228, 232–233, 235, 238–239, 261, 262–268, 282–299; Кожев 2006: 264–269]. В ходе этой войны правительство России попыталось уладить все спорные вопросы во взаимоотношениях с Кабардой путем выдачи 9 авг. 1771 г. от лица Екатерины II «кабардинским владельцам, узденям и всему народу» именной монаршей грамоты, которая содержала общие декларации и обещания покровительства при сохранении старых обычаев, но не содержала уступок по главным требованиям кабардинцев – снести Моздок, возведенный на территории Кабарды; не принимать в русских владениях беглых крестьян и т.д. [КРО. Т. 2. 1957: 299–304]. Решительная победа над турками в ходе войны развязала имперскому правительству руки в отношении Кабарды. Полноценная демаркация имперской границы на Северном Кавказе в ходе закладки в 1777 г. крепостей и казачьих станиц Азово-Моздокской кордонной линии произошла за счет аннексии северных – степных территорий Кабарды. А после прямого военного конфликта 1779 г. и поражения кабардинцев по условиям капитуляции северная граница Кабарды была ограничена правым берегом Малки и Терека [Бутков. Ч. 2. 1869: 58–62]. Резкое сокращение землепользования кабардинцев, а также связанных с ними народов Центрального Кавказа, делало невозможным традиционное отгонное скотоводство, и, в первую очередь, табунное коневодство – основу экономического благосостояния и военно-политического доминирования Кабарды в регионе. После заключения в 1783 г. Георгиевского трактата с правителем Картли-Кახетинского царства Ираклием II, интеграция Кабарды в общеимперское пространство стала актуальной задачей для русского

правительства, чьи политические притязания перешагнули Кавказский хребет и нуждались в надежных транскавказских коммуникациях. Необходимость адаптироваться к радикально трансформирующейся политической реальности, найти ответ на вопрос – на каких условиях, в каком качестве Кабарда будет интегрирована в состав империи, также ясно осознавалась и кабардинской элитой. В начале 70-х годов XVIII в., как первый шаг по подчинению новых подданных империи, был введен институт приставства – уполномоченных офицеров, осуществлявших надзор над ними. Но *приставы* в лучшем случае могли заниматься сбором информации и активным мониторингом внутривнутриполитической ситуации в регионе. Эффективных рычагов управления и контроля над своими подопечными они не имели.

Трудности реальной инкорпорации Кабарды в состав Российской империи были очевидны обеим сторонам. Разница в социально-политическом строе, правовой и судебной системах, военной культуре, наконец, в экономическом и демографическом потенциалах имела критические значения и осложнялась традиционной межрелигиозной напряженностью. Со стороны русского правительства, в первую очередь, стояли задачи эффективного контроля, управления, обеспечения транскавказских коммуникаций через Дарьяльское ущелье, а по возможности, использования военного потенциала Кабарды в защите и расширении границ империи. Все эти задачи были нетривиальны, а их решение невозможно без установления в Кабарде нового режима управления под контролем царской администрации на Кавказе. А в этом вопросе точки приложения усилий были неочевидны. Кабардинские князья, во всяком случае главы пяти феодальных уделов Кабарды, мыслили себя в качестве феодальных государей, готовых в лучшем случае признать статус младших партнеров в духе сюзеренно-вассальных в отношениях с правящим в России монархом. Собственно многовековые дипломатические и политические связи с русскими государями кабардинские князья трактовали именно в духе собственных воззрений и прямо заявляли представителям царского правительства: «...Они [кабардинцы] подданными российскими никогда не бывали; а со времени царя Ивана Васильевича (т.е. Ивана IV Васильевича Грозного – К.3.) находились в конаках (т.е. *кунаках* или друзьях/союзниках – К.3.) российских» [Бутков. Ч. 2. 1969; 51]. Иналиды Кабарды часто сменяемых представителей русской военной администрации на Кавказе, которые к тому же по родовитости были самого разного происхождения, не воспринимали как старших по статусу. И лишь постоянная угроза принуждения военной силой заставляла их подчиняться тем или иным административным мерам.

Что касается военного потенциала Кабарды, то при всей мощи России ее наличные силы на Кавказе были на рубеже XVIII–XIX вв. еще очень незначительны, и 9 тыс. кабардинской конницы, треть которой состояла из дворянской панцирной кавалерии, могла стать или очень важным элементом военно-политического присутствия империи в регионе, или потенциально опасным противником [КРО. Т. 2; 158]. Для сравнения, несколько позднее, в 40–50-х годах XIX в., численность *низама* – постоянного войска имамата Шамиля, который несколько десятилетий выдерживал военное давление постоянно увеличивавшегося Отдельного Кавказского корпуса русской армии, даже в период наивысшего расцвета государства горцев Чечни и Дагестана составляла 5580 всадников и 8870 пехотинцев, [Чеченцы ...1996; 181]. Первые попытки сформировать из кабардинцев иррегулярные подразделения были предприняты еще Г.А. Потемкиным в 1786 г.: «Обе Кабарды должны составлять общество военное, по примеру прочих легких войск. Князьям и узденям отворяется путь к степеням по службе их» [Кудашев 1991: 69]. Предполагалось сформировать шесть сотен в Большой и три сотни в Малой Кабарде и поручить этой коннице «сторожевую и полицейскую службу», но кабардинцы с неохотой приняли это правительственное распоряжение, по мнению В. Кудашева, потому, что «...она налагала на них новую тяжкую повинность» [Кудашев 1991: 69].

Но дело было не в нежелании нести военную службу, а в невозможности отказаться от традиционной феодальной иерархии, связанной с этим этикой, в пользу «сторожевой и полицейской службы» с перспективами служебного роста по российской Табели о рангах. Кабардинская конница пользовалась заслуженной славой лучшей на Северном Кавказе, но это было *войско феодальное*, гордое своим статусом и профессионализмом, то есть проблема управляемости и контроля над этой боевой силой была неразрешима методами простого военного принуждения вне феодального договора и обоюдной заинтересованности сторон.

В 1793 г. правительство Екатерины II попыталось взять под контроль судебно-правовую систему Кабарды путем создания новых судебных органов – *родовых судов* для князей и *родовых расправ* для дворян. Их заседания должны были проходить под контролем представителей царской администрации – военного коменданта крепости Моздок; тяжелые уголовные преступления, связанные с убийством, грабежом, неподчинением властям и т.д. были изъяты из юрисдикции родовых судов и расправ и рассматривались по общеимперским законам. Кроме того, без разрешения новых судебных органов запрещался созыв сословно-представительных собраний – *Хасэ*, которые традиционно выполняли роль высшей законодательной, административной и судебной инстанции [Кажаров 1994: 281–306]. Такие резкие нововведения стали триггером дальнейшего обострения кабардино-русских отношений. Политический класс Кабарды – военно-служилая аристократия *пиши-уорков*, составлявшая до 20% населения, не мог без борьбы принять подобное ограничение своих прав [Материалы Я.М. Шарданова ... 1986; Думанов 1990: 31–35]. Кабардинцы требовали роспуска родовых судов и расправ и введения в Кабарде духовных судов – *мехкеме*, действующих на основе шариата. Для проведения выборов в учрежденные российским правительством судебные органы в Кабарду были введены войска, а наиболее упорные противники нововведений из числа кабардинских князей – братья Измаил и Адиль-Гирей Хатокшоко, Хатокшоко Хамурзин (род Кайтукиных) – были сосланы в Екатеринославль [АКАК 1868: 1127–1128, 1140–1141; АКАК 1869: 637].

После этого политические судьбы двух братьев Хатокшоко резко расходятся. Младший – Адиль-Гирей, в 1798 г. бежал в Кабарду. Измаил тоже вернулся на Родину, но только после амнистии в 1801 г. [Адыгская ... 2006: 885–886]. Адиль-Гирей Хатокшоко и другие сторонники активной борьбы против колониальных методов покорения Кабарды в 1799 г. выступили против проведения очередных выборов в родовые суды и расправы. Когда для обеспечения этих выборов в Кабарду ввели войска, Адиль-Гирей Хатокшоко, эфендий Исхак Абуков и другие духовные лидеры кабардинцев ушли за Кубань. Они обосновались на Малом Зеленчуке, а шариатское движение начало распространяться среди подвассальных Кабарде абазин и карачаевцев. Кроме того, кабардинские владельцы стали активно противодействовать миссионерской деятельности российских властей в Осетии и Ингушетии, восстанавливая свою власть и влияние на Центральном Кавказе [Бутков Ч. 2. 1869: 561–562; Кумыков 2002: 22]. В целях преодоления социальных противоречий внутри социального класса *пиши-уорков* и его консолидации, лидеры шариатского движения выдвинули программу уравнивания в политических правах всех многочисленных категорий кабардинского дворянства. Главный управляющий в Грузии и на Кавказе, астраханский губернатор генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг 5 июля 1799 г. доносил императору Павлу I, что представители кабардинской знати на своем собрании «присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам онаго между собой не иметь, когда оно существует во Франции»; что многие уздени, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и с злоумышленниками соединяются» [РГВИА.

Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 50. Л. 366]. Традиционное право адыгов резко различало социальный статус не только князей Иналидов – *пиши*, но и многочисленных категорий знатного потомственного и незнатного служилого дворянства – *уорк*. Браки между ними не практиковались и рассматривались как явный мезальянс [Сборник ... Т. 1. 2003: 76–95, 171–176, 200–202]. Уравнение их в *политических правах*, при сохранении традиционных межсословных отношений, особенно между военно-служилым классом и зависимыми сословиями, мыслилось лидерами шариатского движения как действенный метод гармонизации социальных практик в Кабарде. Однако этот проект содержал важные внутренние противоречия. Основной массе непривилегированных сословий он не сулил никакой эмансипации. Об этом мы можем судить по нововведениям, принятым в период максимальных успехов шариатского движения и составлявшим «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев» [Ногмов 1994: 161–169]. Несмотря на декларируемый религиозный фундаментализм лидеров шариатского движения, стремление сохранить основные параметры межсословных коммуникаций внутри общества и включение ссылок на актуальный опыт Французской республики в собственный дискурс демонстрируют любопытные особенности традиционного черкесского правосознания – *консерватизм*, устойчивые *светские*, *рационалистические* начала, неоспоримую ценность *прецедента* как источника права. В данном случае, прецедент, созданный Великой французской революцией, фактически соотносился с авторитетом исламской традиции, опирающейся на божественное откровение. Главной целью лидеров шариатского движения было сохранение административной и правовой автономии Кабарды, укрепление ее доминирующих позиций в регионе при номинальном признании российского протектората. Именно поэтому шариатское движение в Кабарде, при всем своем стремлении опереться на исламский универсализм в целях гармонизации общественных отношений внутри Кабарды и этносоциальных, также иерархически выстроенных связей с горцами Северного Кавказа, оказалось не настолько эффективно, как более поздние проекты социально-политического реформаторства в Дагестане и Чечне. Тем не менее, после длительного периода военно-политического противостояния, лидеры шариатского движения в Кабарде вынудили правительство Александра I пойти на уступки и упразднить родовые суды и расправы. Весной и летом 1806 г. во всех феодальных уделах Большой и Малой Кабарды были созданы духовные суды – *мехкеме* и кабардино-русские отношения временно стабилизировались [АКАК 1869: 640; АКАК 1870: 880]. Это была вынужденная уступка, продиктованная сложным внешнеполитическим положением Российской империи в период наполеоновских войн. Уже в период командования на Кавказе генерала П.А. Ермолова в 1821 г. шариатское судопроизводство и самоуправление Кабарды были сломлены военной силой. Часть кабардинцев, «...составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за р.Кубань к бесленеевцам и другим закубанским черкесам» и уже там продолжила антиколониальную борьбу [Султан Хан-Гирей 2009: 136; Кожев 2006: 282–284].

Проект Измаила Хатокшоко, в отличие от реформаторской деятельности Адиль-Гирея и его сторонников, которые пытались легитимизировать политические и правовые нововведения через солидаризацию общественного мнения, был обращен вовне, хотя безусловно опирался на дискурс традиционного феодального социума Кабарды. Он составлен в форме «Записки о беспорядках на Кавказской линии и способах прекратить оные», адресованной правительству России с расчетом на «высочайшее» монаршее внимание [АКАК 1868: 949, 957–958]. Автор «Записки» предваряет ее неутешительной, но многообещающей для адресата сентенцией: «Усмирить силую сих горских жителей никогда возможности не будет. Примеры многих горских народов, кои силую нигде покорены не были, довольным

тому доказательством служить могут. *Но если бы из сих племен первенствующия были в наших видах, то влиянием и силою своею они могли бы много иметь действия на усмирение других.* С некоторою достоверностью полагать можно, что первенство сие имеют кабардинцы (разрядка наша – К.З.)» [АКАК 1868: 957].

Измаил Хатокшоко предваряет свою работу кратким очерком современного состояния народов Западного и Центрального Кавказа, генеалогических преданий правящей в Черкесии династии Иналидов, политических прецедентов, на основании которых строились традиционные иерархические по духу отношения между различными этносоциальными группами, в первую очередь между княжеской элитой Кабарды и феодально зависимыми горцами – абазинами, карачаево-балкарцами, осетинами, ингушами и др. В приводимых автором сведениях можно найти неточности, например он пишет: «Ингуши никогда покорены не были. По покорении следовало бы разделить между трех [княжеских] фамилий Большой Кабарды» [АКАК 1868: 957]. Между тем, вассальная зависимость ингушей и карабулаков от кабардинских князей, детерминированная и экономическими и социально-политическими причинами, подтверждается многочисленными архивными данными и письменными источниками XVIII в. [АКАК 1866; МПИО. Т. 1: 152–152; КРО. Т. 2: 307, 308–309; РОО. Т. 1: 419]. В «Постановлении о сословиях в Кабарде» из приложения к «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова упоминается: «Ингуши, назраны и карабулаки ежегодно платят по очереди кабардинским князьям по рублю серебром с дома, и тот князь, который получит те деньги, должен весь год от обид их защищать и дает для того человека, который состоит на всем довольствии от них с лошадыю; притом ему дают несколько платя за охранение» [Ногмов 1994: 160]. Но в целом данные Измаила Хатокшоко по актуальной социально-политической ситуации в регионе в интерпретации кабардинской аристократии вполне репрезентативны; проглядывает явное желание автора «Записок» включить этот важный с точки зрения феодальной элиты Кабарды дискурс в общеимперский, во всяком случае, касающийся кавказской политики. Это желание не было беспочвенным и имело свои прецеденты. Так в середине XVIII в. русская дипломатия считала возможным на международном уровне поддерживать права кабардинских князей на сюзеренную власть над абазинами, проживавшими за Кубанью. Выступая на стороне кабардинцев против притязаний крымского хана на власть над абазинами, российское правительство в начале 1753 г. сделало следующее «изъяснение Оттоманской порте»: «Хотя река Инжик (Большой Зеленчук – К.З.), на которой... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во оную, однако же чрез то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротив того – надлежит взять в разсуждение и реку Терек, о которой известно, что течение имеет в границах Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные е.и.в. кумыки, андреевцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А в вершинах оной в горах находятся народы..., которые Всероссийской империи не в подданстве, а... во владении у тех же кабардинских владельцев» [КРО. Т. 2. 1957: 188]. До заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по которому Кабарда объявлялась владением России, имперское правительство деликатно относилось к владельческим правам кабардинских князей [РОО. Т. 1. 1976: 399]. Даже после 1774 г., обещая свое покровительство всем горским обществам, присягнувшим на верность России, имперское правительство рекомендовало, например, тагаурским алдарам, чтобы они, как вассалы кабардинских князей, «им показывали всякое уважение и ... подать из древности естли платят кабардинцам, отдавали беспрепятственно как бы и сих не встревожить» [РОО. Т. 2. 1984: 265]. То есть Измаил Хатокшоко опирался на давние традиции регионального политического дискурса с прецедентом использования его принципов в качестве аргумента в международном конфликте, что позволяло надеяться на продолжение подобной практики и в

будущем. Автор «Записок» недвусмысленно дает это понять. После заключения Ясского мирного договора 1791 г. Кубань стала официально признанной границей между Османской и Российской империями, что серьезно изменило условия функционирования сюзеренно-вассальных отношений между князьями Большой Кабарды и локальными группами закубанских абазин. Измаил Хатокшоко, описывая последних, специально обращает на это внимание: «Башильбайцы делящиеся на несколько частей, как-то Чигирейцы, Баракайцы и проч. Сии 2 части принадлежали князьям Большой Кабарды, но как в трактате с Портою Оттоманскою о том не выговорено, то они власти их более не признают (разрядка наша – К.З.)» [АКАК 1868: 957]. Общая тональность «Записок» свидетельствует о том, что кабардинская аристократия оценивала свои сюзеренные права, как безусловно легитимные, и считала необходимым учитывать их при заключении русско-турецких договоров и демаркации границы. Поэтому вывод автора «Записок» о причинах беспорядков на Кавказской линии вполне ожидаем. По мысли Измаила Хатокшоко они происходят из-за нарушения сложившихся традиционных социальных и политических практик («обычаев», по терминологии автора) «пограничными командирами», то есть представителями имперской военной администрации: «... Подвластные им (кабардинским князьям – К.З.) народы Осетинцы и Абазинцы, видя их занятыми Россиею, воспользовались случаем отбыть от их власти и они, прервав узы, соединявшие их с ними, пустились во все безобразия ... В случае спора нередко прибегали к нашим пограничным командирам, которые не внемля нужде делать суждения, сообразные их обычаям, часто их нарушали и поддерживали свои суждения военною рукою; а таким образом и укоренили вражду между соседями» [АКАК 1868: 958]. Мерами, способными устранить подобные затруднения, Измаил Хатокшоко считал, во-первых, признание легитимности сложившихся социально-политических практик, а во-вторых, превращение кабардинских князей в полноценных младших партнеров даже не империи, а собственно царствующего монарха. То есть, Измаил Хатокшоко предлагал перевести проблему кабардино-русских отношений в плоскость личных сюзеренно-вассальных отношений между императором России и кабардинскими князьями с исключением из них посредничества, во всяком случае решающего, местной кавказской администрации. Конечно же, этот проект не мог быть одобрен ни Александром I, ни высшими представителями русской администрации в регионе. Наместник на Кавказе князь П.Д. Цицианов, которому для экспертной оценки была передана «Записка», высказал категорическое неприятие этики феодального договора в представленном ему документе: «Заключать ... трактат Государю со своими подданными неприлично и унижительно» [АКАК. Т. 2. 1968: 963]. Кроме того, он отказывался признавать сюзеренные права кабардинских князей над горцами Северного Кавказа, приобретенные силой оружия. Отвергая притязания на политическую власть и право получения феодальной ренты с подвассальных горцев со стороны кабардинских князей П.Д. Цицианов писал им: «...Докажите неоспоримые свои на них права и почему сии народы вам принадлежат: потому ли, что вы их сильнее или что оные издревле от предков еще ваших были в зависимости? В первом случае совершенный вам отказ, а в последнем мое покровительство и приведение их по прежнему в вашу зависимость» [АКАК. Т. 2. 1968: 966]. Логические неувязки в данной сентенции П.Д. Цицианова не волновали. Естественно, вассальная зависимость, как и почти всегда в феодальном обществе, навязывалась силой оружия и давность их установления ничего принципиально в этом механизме не меняла. Но давнее подчинение высшей политической власти кабардинских князей их более слабым в военном отношении соседям, девальвировалось тем обстоятельством, что сама Кабарда по «праву войны» была объявлена частью Российской империи. Согласно феодальной этике, даже поражение в войне и подчинение не лишало полностью *политических прав*, тем более по отношению к своим вас-

салам. Но русское правительство было готово частично признавать имущественные и сословные права кабардинцев, но только не их *политические права*, которыми в империи мог обладать только самодержавный монарх. Еще одним аргументом против принятия проекта, кратко изложенного в «Записке», была степень популярности в Кабарде ее автора и его возможных идеологических сторонников – лоялистски настроенных, связанных с Россией военной службой кабардинских аристократов, каковым являлся Измаил Хатокшоко. В одном из своих рапортов Александру I от 29 авг. 1805 г. князь П.Д. Цицианов оставил характерную оценку их положения среди соотечественников: «...Можно заметить, что кто из кабардинцев побывает в России, а особливо получив какия либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий» [АКАК 1868: 981]. Обострение кабардино-русских отношений, расхождение дискурсов феодального кабардинского социума и самодержавной Российской монархии на рубеже XVIII–XIX вв. прошло точку невозврата. Комплементарная инкорпорация Кабарды в общеимперское пространство стала невозможной. Многолетняя эпидемия чумы, обескровившая Кабарду в первом десятилетии XIX в., многократно сократившая ее демографический и военный потенциал, сняла для имперского правительства остроту проблемы подчинения Кабарды жесткому административному контролю [Записки ... 1991: 283–284]. Еще раз попытку сформулировать проект мягкого, растянутого во времени, опирающегося на более богатый инструментарий чем простое военное подавление, вхождения в состав империи в масштабе всей Черкесии выдвинул Султан Хан-Гирей [Султан Хан-Гирей 2009: 547–576]. Но и эта последняя попытка не нашла ни социальной поддержки в Черкесии, ни понимания в Петербурге.

Источники и литература

1. АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 1. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1866.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 2. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1868.
4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 3. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1869.
5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 4. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского. 1870.
6. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006.
7. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1–3. СПб.: 1869.
8. Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М.: Высшая школа. 1991.
9. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. М.: Наука, 1967.
10. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001.
11. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1990.
12. Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик: Эльбрус, 2008.
13. КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М.: Издательство Академии наук, 1957.
14. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эльбрус, 1994.
15. Кожев З.А. Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.
16. Кожев З.А. Канжальская битва и динамика кабардино-русских отношений в первой трети XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2008. С. 82–96.
17. Кожев З.А. Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020.

18. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991.
19. Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1991.
20. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002.
21. МППО – Материалы по истории Осетии / сост. Г. Кокиев. МППО. Т. 1. Орджоникидзе: Государственное издательство, 1933.
22. Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века / сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 1986.
23. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994.
24. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019.
25. РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
26. РОО – Русско-осетинские отношения XVIII в. (Сборник документов в 2-х томах). Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1976.
27. Русско-осетинские отношения XVIII в. (Сборник документов в 2-х томах). Т. 2. Орджоникидзе: Ир, 1984.
28. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018.
29. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. В 2-х томах. Нальчик: Эль-Фа, 2003.
30. Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг. 2009.
31. Туганов Р.У. Измаил-бей. Нальчик: Эльбрус. 1972.
32. Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1998.
33. Чеченцы: история и современность / Составление и общая редакция Ю.А. Айдаева. М.: Мир дому твоему, 1996.

KABARDIAN-RUSSIAN RELATIONS AT THE END OF 18th – BEGINNING OF THE 19th CENTURY: MODELS OF INCORPORATION INTO THE IMPERIAL SPACE

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head. Sector of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The turn of the 18th and the 19th centuries. this is the time of a sharp intensification of Russia's penetration into the Caucasus. Kasarda, like other regional polities, turned out to be the object of the integrative intentions of the imperial government. Its political elites have tried to develop strategies for adapting to a radically changing geopolitical context. To preserve a high degree of political autonomy, traditional social-cultural parameters of feudal society, and dominant positions in the Central Caucasus, the political leaders of Kabarda put forward two different models of building Kabardian-Russian relations. One of them was based on the traditional social, political, and ethical principles of feudal society, and intended the maximum preservation of them within the framework of the general imperial discourse. Its author, Khatokshoko Izmail, expressed the interests of that part of the Kabardian aristocracy that hoped to build complementary relations with the Russian Empire without significant damage to the real volume of political autonomy in Kabarda and its place in the system of ethnic-social relations in the North Caucasus. An alternative strategy put forward by the brother of Hatokshoko Izmail – Adil-Girey and his supporters, assumed a radical modernization of social relations within the ruling class of Kabarda based on Islamic values, mobilization of resources and forcible defense of the political, administrative, and judicial autonomy of the principality.

Keywords: Kabarda, traditionalism, Hatokshoko Izmail, Sharia movement, Hatokshoko Adyl-Girey, Russian Empire, incorporation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-21-29